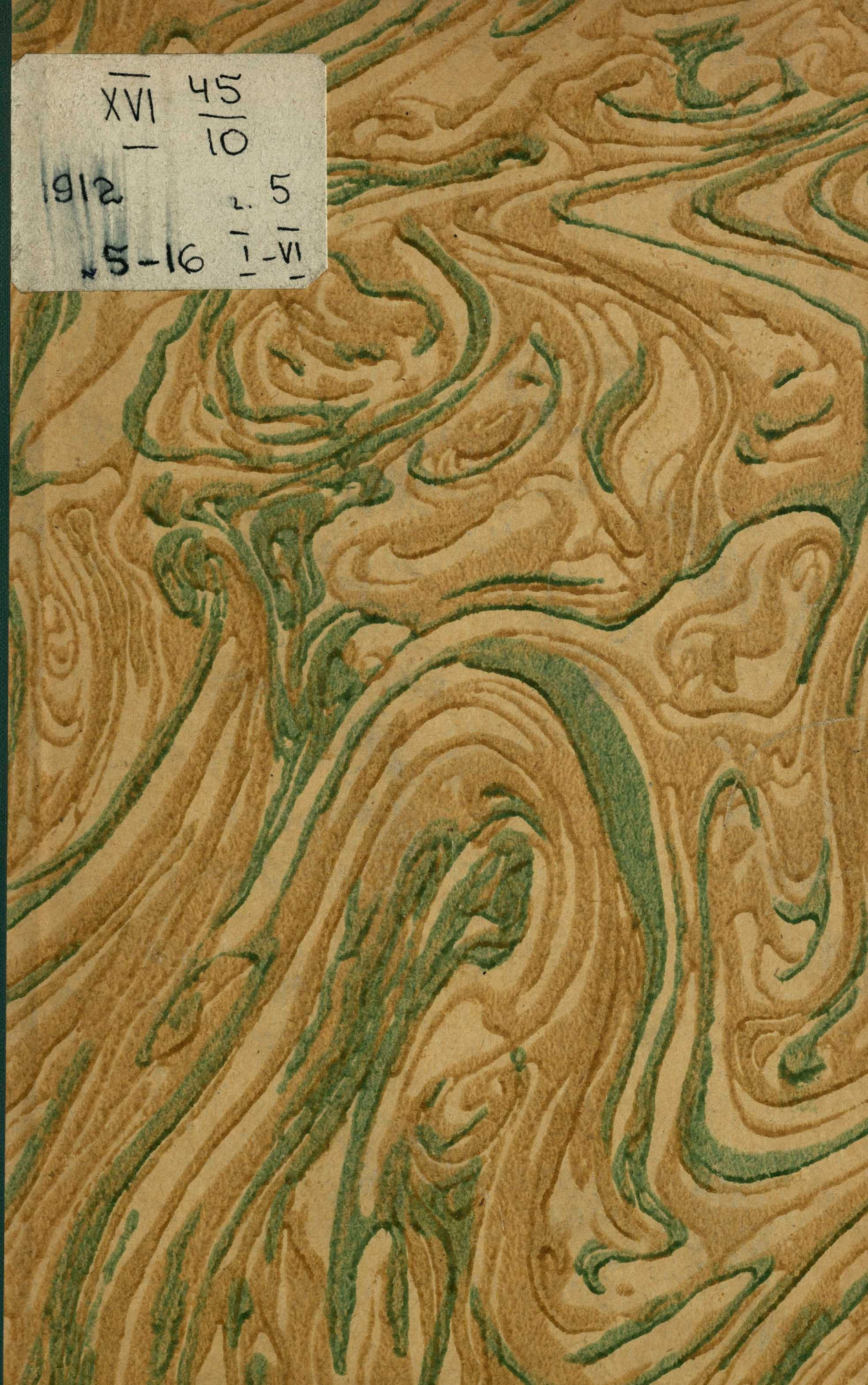

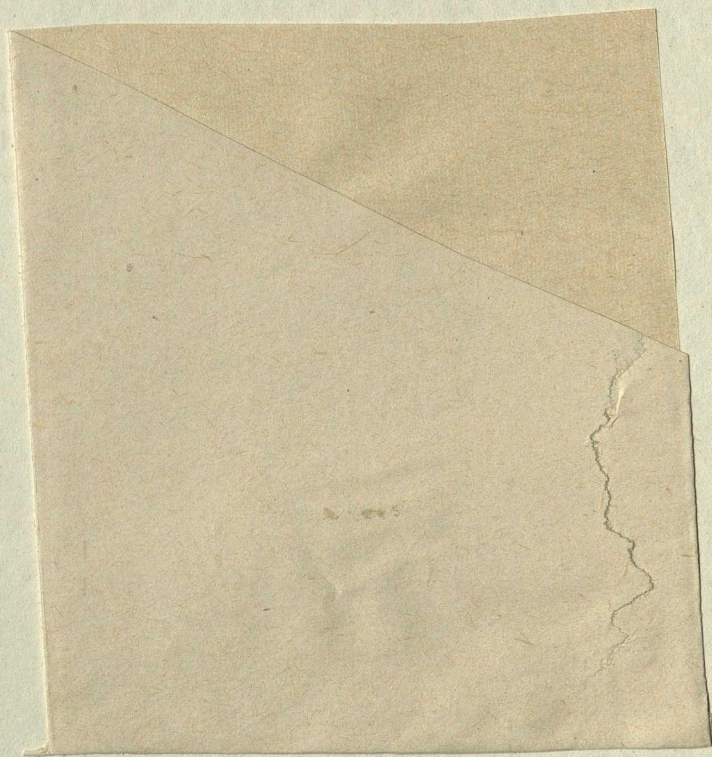
XVI 45
— 10

1912 5

5-16 1-VI

ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотекы городскихъ училищъ.

XVI 45
10

Годъ изданія пятый.

ЯНВАРЬ.

№ 5. -

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НОВЫЙ ГОДЪ.
НА ВСТРѢЧУ (повѣсть).
ЗИМОЙ.
НА МАЯКЪ.
ГОВОРЯЩАЯ КУКЛА.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Сторожка на желѣзной дорогѣ
(для склеиванія).
«Въ уютномъ уголкѣ» (листь 3-й).

№ 5. Январь, 1912.

Годъ изданія V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Ахъ, какъ вкусно!

НОВЫЙ ГОДЪ.

Всѣ въ сборѣ... Ждутъ... Стучать тарелки...
Сейчасъ вино для всѣхъ нальютъ —
И дѣти даже не жуютъ,
А все глядятъ, какъ обѣ стрѣлки
Сойдутся и часы пробьютъ.

Какъ долго годъ нейдетъ желанный!
Но чу! — часы уже шипятъ,
Ужъ слышенъ бой — и для ребятъ
Насталъ моментъ такъ долго жданный
И всѣ они „ура“ кричатъ.

Вскочили взрослые и дѣтки,
Шумятъ, цѣлуются, кричатъ...
Но губки дѣтскія твердятъ: —
— „О, Новый годъ, зачѣмъ такъ рѣдки
„Такія встрѣчи для ребятъ?“

Одна лишь бабушка вздыхаетъ:
— „Давно-ль, давно-ль былъ новый годъ?
„Какъ скоро время то летаетъ!
„Едва оглянешься — и вотъ
„Опять годъ новый настааетъ...
„Охъ, что-то онъ съ собой несетъ!“

Кузнечикъ.

НА ВСТРѢЧУ.

Повѣсть.

Когда капитанъ Зиновьевъ уѣзжалъ два года тому назадъ на Дальній Востокъ, то его сынъ Коля провожалъ его отъ Москвы до самой Тулы и уже одинъ возвратил-

ся назадъ. Тогда Колѣ шель всего только десятый годъ и онъ очень гордился тѣмъ, что совершилъ такую большую поѣздку одинъ. Въ поѣздѣ за нимъ наблю-

КНИГА ИМЕЕТ

8

печатных	Выпуск	В перепл. едня соедин.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1969 г.
----------	--------	---------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

1912.

4

5-16

K 1094

Москва, тираж № 24 Главлитиздательского центра 1717/54-225 000.

I-VI

1112.

далъ оберъ - кондукторъ, и когда пріѣхали въ Москву, то этотъ же оберъ - кондукторъ усадилъ его на извозчика и отправилъ къ бабушкѣ.

Пріѣхавъ домой, Коля вдругъ почувствовалъ сразу какую-то пустоту: точно его отецъ занималъ собою весь домъ. Старушка — бабушка сидѣла у себя въ комнатѣ и все кашляла, горничная безшумно ходила взадъ и впередъ и вытирала пыль, а потомъ пришла барышня, позанималась съ нимъ два часа и ушла. И Коля опять на весь день остался одинъ.

Уѣзжая, капитанъ Зиновьевъ подвелъ Колю къ большому портрету, висѣвшему надъ письменнымъ столомъ, и сказалъ:

— Почаще, Коля, посматривай на портретъ мамы... Она тебя очень любила... Въ случаѣ чего, она помолится за тебя на небѣ Богу! Не забывай ее!

И теперь Коля посматривалъ на этотъ портретъ и все повторялъ:—

— Зачѣмъ я одинъ? Почему меня папа не взялъ съ собою?

Но капитанъ уѣзжалъ тогда не надолго, всего мѣсяца на два или на три, не больше, и тащить за собою Колю черезъ всю Сибирь ему казалось неудобнымъ и ненужнымъ. Но когда онъ пріѣхалъ на мѣсто, то обстоятельства перемѣнились и ему пришлось остаться на цѣлые два года. Все время онъ безпокоился тамъ о своемъ сы-

нѣ, часто писалъ ему письма, хотѣлъ было выписать его къ себѣ, но требовать мальчика къ себѣ одного, чтобы онъ проѣхалъ одинъ цѣлыя десять тысячъ верстъ, онъ не считалъ возможнымъ и сталъ терпѣливо ожидать конца своей командировки, когда ему можно будетъ возвратиться опять въ Москву.

А тѣмъ временемъ случилась неприятность: незадолго до его возвращенія въ Москву умерла бабушка и Коля остался совершенно одинъ. Дальняя родственница капитана Клеопатра Петровна пріютила мальчика у себя и для него наступили тяжелые дни. Клеопатра Петровна служила въ банкѣ, поздно возвращалась къ себѣ домой и все время Коля оставался одинъ или же проводилъ въ обществѣ ея кухарки Корнѣевны и тосковалъ по отцѣ.

— Болѣзненный ты мой! причитала надъ нимъ кухарка. — Сирота ты моя горемычная! Вотъ погоди, ужъ я въ церковь схожу, да за тебя помолюсь, можетъ быть твой отецъ то, папашенька-то твой, къ тебѣ по воздуху и перелетитъ!

Коля зналъ, что такой полетъ былъ невозможенъ и сталъ терпѣливо ожидать возвращенія своего отца.

Цѣлые дни онъ былъ предоставленъ самому себѣ. Никто за нимъ не наблюдалъ, никто его не стѣснялъ и онъ свободно выходилъ

на улицу, заглядывалъ отъ скуки въ окна магазиновъ, или-же черезъ весь городъ шелъ на Курскій вокзалъ и когда поѣздъ отправлялся на Югъ, то онъ кланялся ему и говорилъ:

— Если встрѣтишь папу, то передай ему мой поклонъ!

А когда въ его присутствіи приходилъ поѣздъ издалика, то онъ улыбался ему и, глядя на его запыленные вагоны, разговаривалъ съ ними, какъ съ живыми:

— Быть можетъ, вы видѣли моего папу? спрашивалъ онъ ихъ. Быть можетъ, онъ въ васъ входилъ?

Эти прогулки черезъ всю Москву на вокзалъ и обратно, выработали въ мальчикѣ самостоятельность и осторожность. Онъ не боялся заблудиться, довѣрялъ людямъ и зналъ, какъ и гдѣ ему безопаснѣе всего перебѣжать черезъ дорогу, чтобы его не задавили. Все та-же барышня продолжала давать ему уроки, и теперь, чтобы скоротать свое время и поскорѣе дожидаться приѣзда своего отца, онъ долгіе часы проводилъ за ученьемъ, а въ остальное время что-нибудь клеилъ, пилилъ или строгалъ, или-же отправлялся въ свою далекую прогулку на вокзалъ. Чтобы у него не было никогда недостатка ни въ чемъ, отецъ кое-когда присылалъ ему то три, то пять рублей, но мальчикъ ихъ не тратилъ, а для какой-то таинственной, ему одному извѣстной, цѣли сберегалъ ихъ и

никто не зналъ, гдѣ эти деньги у него хранились.

— Я знаю, что я на эти деньги сдѣлаю!.. говорилъ онъ самъ себѣ и лукаво подмигивалъ себѣ бровями.—Я ихъ потрачу на что-то интересное!.. Я знаю!

И вдругъ невѣроятное, сказочное счастье! Когда Коля ложился уже спать, то на кухнѣ раздался звонокъ, послышался какой-то голосъ, кто-то пробѣжалъ за чернилами и перомъ, а затѣмъ къ Колѣ вошла Клеопатра Петровна и сказала:

— Черезъ полтора мѣсяца приѣдетъ твой отецъ. Онъ прислалъ телеграмму. Онъ выѣзжаетъ сегодня изъ Владивостока на пароходъ и моремъ, вокругъ всей Азіи, прибудетъ въ Одессу 20-го Апрѣля... Значитъ 22-го Апрѣля онъ будетъ уже въ Москвѣ!

Боже мой! Какая радостная, счастливая вѣсть! Коля вскочилъ въ восторгѣ съ постели, долго прыгалъ на ней въ одной рубашкѣ, а затѣмъ не смогъ совладать съ собой, одѣлся снова, досталъ географическій атласъ и долго-долго смотрѣлъ, какими путями поѣдетъ его отецъ.

Сегодня онъ выѣхалъ! Эта телеграмма только сегодня была тамъ, такъ далеко, за десять тысячъ верстъ отсюда, эти слова написалъ онъ только сегодня, и Колѣ казалось, что отъ нихъ пахло тѣмъ далекимъ воздухомъ и казалось, что онъ слышитъ голосъ своего отца.

— Да ужъ ложись спать! послышался около него голосъ Корнѣвны.— Поздно ужъ! Нечего учиться-то! Успѣешь! Головушка заболитъ! Бѣдный ты мой, горемычный!

Коля закрылъ атласъ и посмотрѣлъ на нее задумчивыми, мечтательными глазами.

— Знаешь, Корнѣвна? сказалъ онъ.— Черезъ полтора мѣсяца папа прѣдетъ!

Радостная улыбка застыла у него на лицѣ, онъ слышалъ, какъ она что-то надъ нимъ причитала, но мысли его были далеко и когда наконецъ она его раздѣла и снова уложила въ постель и ласково укрыла одѣяломъ, то онъ долго еще не могъ уснуть и все думалъ и грезилъ объ отцѣ.

А когда онъ заснулъ и въ Москвѣ было около двѣнадцати часовъ ночи, то во Владивостокѣ въ это время было уже семь часовъ утра и пароходъ готовился къ отплытію въ Россію. На его палубѣ стоялъ капитанъ Зиновьевъ, глядѣлъ на городъ и чувство облегченія наполняло его душу. Наконецъ-то здѣсь покончены уже всѣ дѣла, все исполнено, какъ того требовали честь и долгъ, и теперь онъ поплыветъ черезъ невѣдомые интересные края и мѣсяца черезъ полтора прѣдетъ наконецъ въ дорогую Москву и обниметъ своего хорошаго, ненагляднаго сына. И въ его воображеніи уже представилась знакомая картина, какъ онъ

поѣдетъ черезъ Россію, какъ онъ выйдетъ въ Москвѣ на Курскомъ вокзалѣ изъ вагона и какъ къ нему бросится Коля и повиснетъ у него на шеѣ... Теперь онъ, вѣроятно, уже большой, выросъ и еще больше сталъ походить на свою покойную мать. Надо будетъ въ Индіи или въ Сингапурѣ купить для него что-нибудь интересное, что-нибудь такое, чего онъ никогда еще не видалъ, и повезти ему въ подарокъ...

И вдругъ кто-то тронулъ капитана за рукавъ.

Онъ обернулся и увидалъ передъ собою какого-то человѣка въ картузѣ, около котораго стоялъ мальчикъ лѣтъ девяти.

— Сдѣлайте такую милость, господинъ капитанъ, обратился къ нему человѣкъ, — поглядите за этимъ мальчикомъ. Его зовутъ Алеша... Отправляю его въ Россію. Жаль, знаете-ли, посылать его одного, да ничего не подѣлаешь... Не съ кѣмъ!

Капитанъ взглянулъ на мальчика. Нѣжный, хрупкій, съ русыми вьющимися волосами и съ большими довѣрчивыми, голубыми глазами онъ тоже съ умоляющимъ выраженіемъ лица смотрѣлъ на капитана.

— Но почему-же вы отпускаете его одного? спросилъ у человѣка капитанъ.— Вѣдь это такъ далеко!

— Что будешь дѣлать, господинъ капитанъ, отвѣтилъ человѣкъ

въ картузѣ и глубоко вздохнулъ. Его отецъ былъ убитъ на войнѣ или безъ вѣсти пропалъ,—такъ и осталось неизвѣстнымъ. Два года тому назадъ его жена пріѣхала сюда изъ Россіи отыскивать его и привезла съ собою сюда и своего сынка—вотъ этого самого Алешу. Къ несчастію, она простудилась, бѣдная, и нынѣшней зимой померла. Вотъ и остался Алеша одинъ.

Алеша закрылъ обѣими руками лицо и заплакалъ. Капитанъ вспомнилъ о своемъ Колѣ и ему стало его жаль.

— Такъ вы хотите, чтобы я за нимъ на пароходѣ присмотрѣлъ? обратился онъ къ человѣку въ картузѣ.

— Такъ точно, господинъ капитанъ,—продолжалъ старичокъ.— Покойница стояла на квартирѣ у меня, тутъ недалеко, близъ гавани, въ домѣ № 37-й. Умирая, она подзвала меня и мою жену и завѣщала намъ, чтобы мы отправили ея сынка въ Россію, на родину, къ ея матери и отцу, куда-то въ Харьковскую губернію...

Онъ полѣзъ къ себѣ въ карманъ, досталъ изъ него бумажку и очки и прочиталъ:

— „Въ Харьковской губерніи, близъ станціи Ворожба, усадьба Кузнечное“. Такъ сдѣлайте милость, поглядите за мальчишкой! Все таки оно хоть и чужое дитѣ, а на душѣ, сами знаете, будетъ покойнѣе, когда будешь увѣренъ,

что за нимъ кто-нибудь наблюдаетъ! Билетъ для него уже взять и денегъ на дорожку немного дано...

Онъ снялъ фуражку и низко поклонился.

— Хорошо, отвѣтилъ капитанъ. Я доведу его до самаго мѣста назначенія и передамъ его съ рукъ на руки его дѣдушкѣ и бабушкѣ. Будьте покойны!..

— Покорнѣйше васъ благодарю! вновь закланялся человѣкъ въ картузѣ и направился къ выходу изъ парохода.—Чувствительнѣйше вамъ благодаренъ!

И онъ ушелъ.

Капитанъ взялъ Алешу за руку и отправился съ нимъ въ свою каюту.

— Ну, Алеша, сказалъ онъ,—значитъ, мы съ тобой теперь попутчики. Укажи мнѣ, гдѣ твои вещи давай перенесемъ ихъ ко мнѣ! Мы поѣдемъ съ тобой въ одной каютѣ.

Раздался затѣмъ третій свистокъ и пароходъ медленно сталъ отчаливать отъ берега. Заработалъ его винтъ, зашумѣла вокругъ него вода, городъ сталъ мало по малу отодвигаться назадъ и скоро скрылся наконецъ въ дымкѣ туманнаго утра. Летали вокругъ чайки и громко кричали, а затѣмъ скрылись и онѣ. Часъ спустя, пароходъ вышелъ уже въ открытое море и закачался по его волнамъ.

Для капитана и его маленькаго

спутника потянулись длинные, безконечные дни большого морского перехода. Они плыли вмѣстѣ. Сначала все для нихъ такъ было ново и интересно, они по цѣлымъ часамъ проводили на палубѣ и глядѣли на океанъ, но потомъ дни потянулись за днями, они видѣли вокругъ себя только небо да воду, воду да небо—и больше ничего, а это стало ихъ скоро утомлять. Пароходъ шель прямымъ рейсомъ, за всю дорогу долженъ былъ остановиться не болѣе пяти разъ и это дѣлало ихъ путешествіе однообразнымъ. Цѣлые дни капитанъ проводилъ съ Алешой и онъ привлекалъ его къ себѣ своими искренностью, простотой и чистотой своей души. Онъ былъ нѣженъ, часто съ грустью и восторгомъ вспоминалъ о своей матери и когда онъ говорилъ о ней, то все лицо его оживлялось, глаза вспыхивали необычнымъ блескомъ и капитану было пріятно слушать о ней то, что онъ ему говорилъ. Говорилъ онъ и о дѣдушкѣ и бабушкѣ, къ которымъ теперь ѣхалъ. Онъ помнилъ ихъ и, повидимому, очень ихъ любилъ. И слушая его рассказы, капитанъ смотрѣлъ на него и ему не разъ приходила на умъ мысль, что какъ хорошо было бы свести этого воспитаннаго, деликатнаго и женственнаго Алешу, у котораго длинные волосы спускались до самыхъ плечъ и дѣлали его этимъ похожимъ на дѣвочку,

съ его сыномъ Колей, который былъ такъ-же нѣженъ и чистъ душой и одинокъ!

„И были-бы они, какъ два родные брата“! думалъ онъ.

И точно невзначай, онъ задавалъ иной разъ Алешѣ вопросъ:—

— А что, Алексисъ, не взять-ли мнѣ тебя совсѣмъ? Повезу-ка я тебя съ собой въ Москву и будешь ты жить у меня съ моимъ сыномъ Колей!

Алеша вскидывалъ кверху глаза, думалъ и серьезно отвѣчалъ:—

— Я съ большимъ удовольствіемъ поѣхалъ-бы жить къ вамъ, но у меня есть дѣдушка и бабушка, которые будутъ плакать...

И съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждымъ оборотомъ винта пароходъ все ближе и ближе придвигался къ Одессѣ и капитанъ все крѣпче и крѣпче привязывался къ этому одинокому мальчику и чувствовалъ, что и Алеша платилъ ему тѣмъ же и цѣнилъ его, какъ второго своего отца. Ничто не привязываетъ людей другъ къ другу такъ близко и ничто такъ не открываетъ ихъ души, какъ дорога, и полтора мѣсяца, прожитые капитаномъ и Алешей въ одной каютѣ, не прошли для обоихъ даромъ.

„Я обязательно возьму его къ себѣ!“ думалъ капитанъ, и уже строилъ планы, какъ его Коля не будетъ одинокъ.

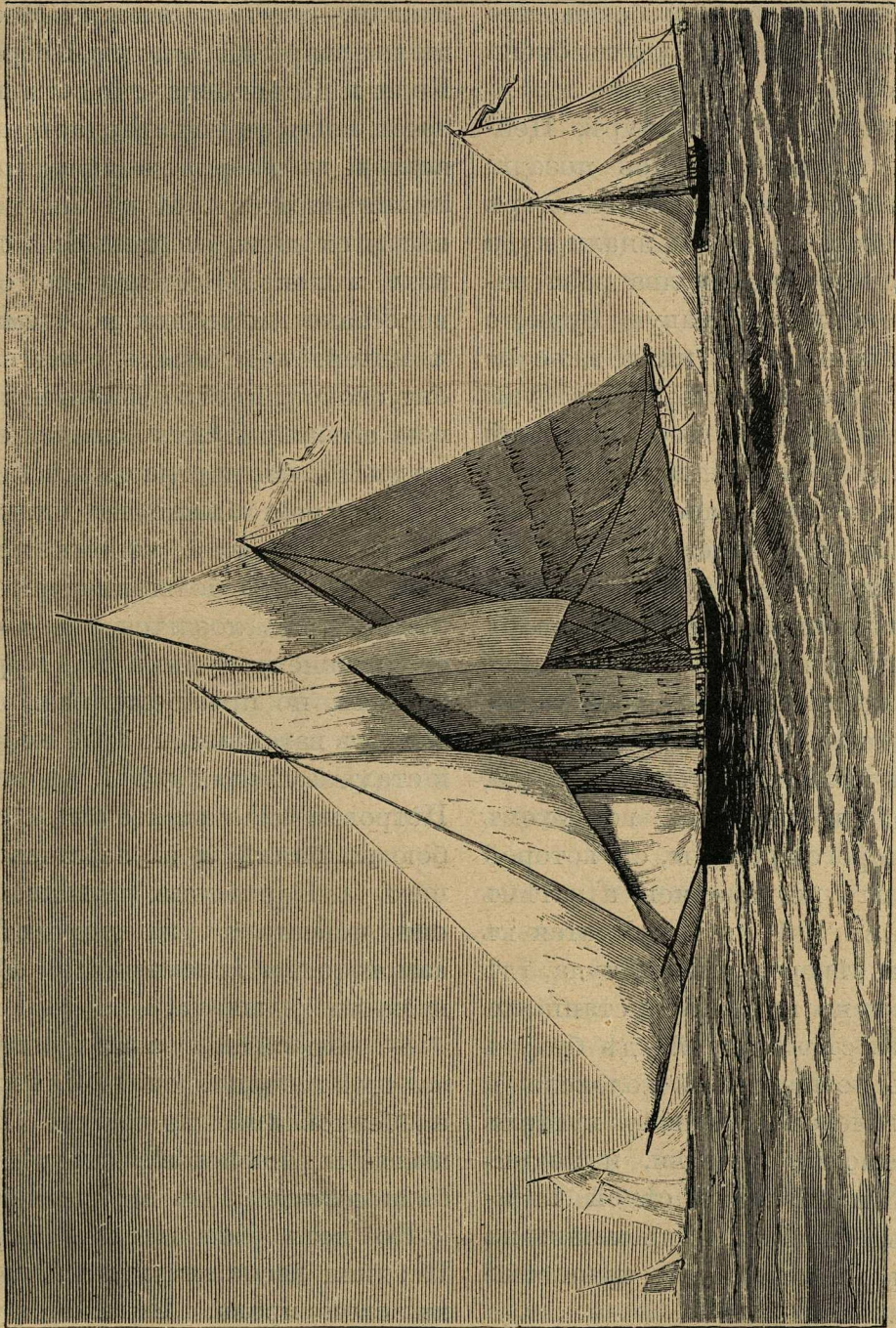
„Я съ удовольствіемъ поѣхалъ-

Въ гущи.

Въ открытомъ морѣ.

бы къ его Колѣ, въ свою очередь думаль и Алеша,—но боюсь, что дѣдушка и бабушка будутъ очень плакать“...

Но вотъ уже Сингапурь, Цейлонъ и Аденъ остались позади; два раза былъ пересѣченъ экваторъ и путешественники не знали, куда скрыться отъ жары; два раза пароходъ испыталъ такую бурю, о которой никто изъ нихъ даже не смѣлъ и вообразить; вотъ уже прошли и Красное море и Суэцкій каналъ, а вотъ уже и Константинополь съ его массою мечетей, уличныхъ торговцевъ и собакъ. Здѣсь пароходъ простоить нѣсколько часовъ, а завтра къ вечеру капитанъ Зиновьевъ и Алеша будутъ уже въ Одессѣ... Они услышатъ снова русскій языкъ, увидятъ русскія вывѣски, русскихъ людей, они вздохнутъ снова воздухомъ своей дорогой родины, съ которой такъ долго не видались, а затѣмъ сядутъ въ поѣздъ и помчатся къ себѣ на сѣверъ, далеко, туда, гдѣ такъ вкусно пахнетъ на станціяхъ борщомъ съ капустой, гдѣ будутъ звонить по церквамъ колокола и гдѣ по вечерамъ поютъ въ кустахъ сладкогласные соловьи, и поднимается въ низинахъ сѣдой таинственный туманъ и дремлютъ на пригоркахъ безмолвные, душистые лѣса...

И по мѣрѣ того, какъ пароходъ все ближе и ближе подходилъ къ Одессѣ и Черное море голубою

безбрежною равниной оставалось позади,—тамъ, далеко, въ Москвѣ, въ квартирѣ Клеопатры Петровны Коля и Корнѣевна считали дни и часы, когда вдругъ раздастся звонокъ и въ дверяхъ появится долго жданный отецъ. Коля отъ нетерпѣнія сходилъ съ ума. Онъ потерялъ голову. Все какъ-то сразу перестало имѣть для него смыслъ и интересъ и мысль о томъ, что онъ скоро увидитъ отца, наполнила всю его жизнь. Онъ ложился спать и думаль, что завтра однимъ днемъ будетъ уже ближе къ свиданію, чѣмъ сегодня, а утромъ просыпался съ еще большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ ложился вчера. Онъ по прежнему ходилъ на Курскій вокзалъ, по прежнему разговаривалъ съ вагонами, не ѣлъ, не пилъ, и сталъ замѣтно худѣть. Клеопатра Петровна была занята своею службою въ банкѣ, и не замѣчала ничего, а Корнѣевна видѣла, какъ онъ пересталъ уже походить на самого себя, крестилась на образъ и часто вздыхала.

— Пропадетъ мальчишка ни за что! говорила она.—И что оно за безпокойное такое дите! Приѣзжалъ-бы поскорѣй отецъ! Ахъ, бѣда дѣтямъ безъ матери, бѣда!..

Но вотъ уже насталь апрѣль. Поздняя весна вступила наконецъ въ свои права. Потекли ручьи, загремѣли колеса по мостовой и въ воздухѣ повѣяло той радостью жизни, которая всегда охватываетъ

душу, когда выставляется первая рама и послѣ долгой надоѣдливой зимы отворяютъ наконецъ окна. Великій постъ съ его грустной церковной службой прошелъ своей чередой, настала шумная, теплая Пасха съ такимъ колокольнымъ звономъ, какой можно слышать только въ одной Москвѣ, и вотъ наконецъ миновала и она. И по мѣрѣ того, какъ приближались двадцатая числа апрѣля, въ душѣ Коли созрѣвалъ завѣтный планъ.

— Бѣгу! рѣшилъ онъ. Бѣгу въ Одессу, чтобы поскорѣе увидѣть папу! Я больше ждать не могу!

Оставивъ Клеопатрѣ Петровнѣ письмо о своемъ отъѣздѣ въ Одессу, нѣ собралъ свои небольшія пожитки, досталъ откуда-то деньги, которыя такъ заботливо и ревниво берегалъ, и побѣжалъ на Курскій вокзалъ. Здѣсь онъ взялъ билетъ 3-го класса до Одессы и отправился въ дальній путь.

Мимо него замелькали телеграфныя столбы и желѣзнодорожныя сторожки, потянулись поля и лѣса и деревенскій весенній, ароматный вѣтерокъ задулъ ему въ лицо. Вотъ Серпуховъ, вотъ Ока, вотъ та Тула, до которой онъ когда-то провожалъ своего отца и затѣмъ вернулся обратно въ Москву одинъ. А вотъ наступила уже и ночь. Онъ развернулъ свое одѣяльце, разостлалъ его на лавку и легъ. Стало холодно. Подъ поломъ гремѣли колеса, было темно и дерзко

разрѣзали воздухъ искры, вылетающія изъ паровой трубы. Въ вагонѣ было пусто и Коля былъ почти одинъ. Ему хотѣлось пить. Онъ не ѣлъ съ самаго утра, но ему не хотѣлось ѣсть и чувство какой-то тяжести въ головѣ мѣшало ему заснуть. Горячее дыханіе жгло ему верхнюю губу и по всему тѣлу разливалась ломота, благодаря которой онъ не могъ ни двигаться, ни мыслить, ни говорить. Поѣздъ останавливался на станціяхъ, входили и выходили новые пассажиры, была большая станція Орель, но онъ лежалъ въ забытьѣ и не выходилъ изъ вагона. Чувство какой-то необъяснимой тоски наполняло его душу и вмѣсто радости отъ предстоящаго свиданія съ отцомъ онъ испытывалъ теперь страхъ передъ возможностью заболѣть въ дорогѣ и не доѣхать до конца

— „Что это со мной?“ думалъ онъ— „Гдѣ я простудился? Неужели я захворалъ?“

Всю ночь онъ не спалъ, то впадалъ въ забытьѣ, то снова приходилъ въ себя и когда наступило наконецъ утро и ласковое солнце освѣтило озябшія за ночь поля и лѣса, то для Коли не оставалось уже больше никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ заболѣлъ. Онъ вспомнилъ, что третьяго дня его промочилъ до костей дождь, что онъ этого не замѣтилъ и такъ проходилъ въ мокрой одеждѣ до самаго вечера, и теперь былъ убѣжденъ, что про-

студился именно тогда. И когда уже днем поѣздъ остановился въ Курскѣ и здѣсь нужно было ждать нѣсколько времени, чтобы пересѣсть въ другой поѣздъ на Кіевъ, то Колѣ захотѣлось вдругъ лечь, вытянуться во всю свою длину и укрыться съ головой. Вокругъ него взадъ и впередъ суетились люди, двигались телѣжки съ багажомъ, раздавались свистки локомотивовъ, крики носильщиковъ, а онъ ходилъ въ пальто, безучастный ко всему, что дѣлалось вокругъ него, и не слышавшій ничего. Какъ автоматъ, онъ вошелъ снова въ вагонъ, какъ автоматъ занялъ въ немъ мѣсто и поѣхалъ дальше на Кіевъ. Мимо него потянулася Малороссія съ ея бѣлыми хатками, вѣтряными мельницами и широкими, полноводными рѣками, зазеленѣли поля и стали попадаться высокіе пирамидальные тополи съ свѣжею, душистой молодою листвою. Коля слышалъ, какъ около какой-то станціи громко пѣлъ соловей и какъ послышалась новая для него хохлацкая рѣчь, но все это смѣшалось для него въ какую-то общую массу и потянулось передъ нимъ, какъ одинъ сплошной однообразный туманъ. На одной изъ станцій вошелъ въ вагонъ сѣденькій благообразный старичекъ и занялъ мѣсто какъ разъ противъ него. Старичекъ этотъ сталъ задавать ему вопросы, спрашивалъ его, куда онъ ѣдетъ, откуда и зачѣмъ,

но Коля отвѣчалъ ему невпопадъ и не разъ и не два слышалъ, какъ старичекъ участливо прикладывалъ ему руку ко лбу и озабоченно покачивалъ головой. Подъ вечеръ онъ напоилъ Колю чаемъ, уложилъ его на лавку, и укрылъ его одѣяломъ и пледомъ и Коля снова впалъ въ забытѣе.

— Бѣдный мальчижъ! шепталъ старичекъ. — Онъ кажется заболѣлъ!

А когда поѣздъ остановился въ Ворожбѣ и старичку нужно было выходить изъ вагона и продолжать свой путь уже по другой желѣзной дорогѣ, то онъ постоялъ нѣкоторое время около больного Коли, подумалъ, а затѣмъ рѣшительно тряхнулъ головой и похлопалъ его по плечу.

— Вставай, голубчикъ! обратился онъ къ нему. — Мнѣ думается, что ты немножко усталъ и тебѣ слѣдовало-бы отдохнуть. Гдѣ твои вещи? Это твой узелокъ?

Коля послушно поднялся со скамьи, машинально собралъ свои вещи и покорно послѣдовалъ за старичкомъ. Они вошли въ громадный вокзалъ съ большимъ буфетомъ, уставленным блюдами и закусками, но больному Колѣ казалось, что отъ всего пахнетъ жаренымъ лукомъ, и только хотѣлось пить, пить, пить...

— Сядь сюда! ласково обратился къ нему старичекъ. — Положи свои вещи вотъ сюда! Вотъ такъ!

Они усѣлись за столомъ и Колѣ показалось, что огни отъ лампъ почему-то запрыгали у него въ глазахъ.

Старичекъ кивнулъ человѣку и тотъ подалъ для нихъ чаю. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ Коля выпилъ одинъ стаканъ за другимъ! Видя, съ какою жадностью онъ пьетъ, старичекъ налилъ ему еще, но Коля не осилилъ и оставилъ стаканъ къ сторонѣ.

— Пей, пей! говорилъ старичекъ. — Это тебя распарить!.. Ты пропотѣешь, оно и пройдетъ... Быть можешь, ты хотѣлъ-бы что-нибудь съѣсть?

А затѣмъ онъ уложилъ его на диванъ и укрылъ. Коля вытянулъ ноги и заснулъ.

Часа черезъ два къ нему подошелъ носильщикъ, взялъ его на руки и пошелъ въ вагонъ.

— Сюда, сюда! указывалъ ему старичекъ. — Неси его, голубчикъ, сюда!.. Клади его вотъ на этотъ диванъ! Простите, милостивый государь, я васъ побезпокою! Но что дѣлать? Мальчикъ въ дорогѣ захворалъ! Спасибо, любезный! Вотъ тебѣ на чай! Прощай!

И онъ суетился около Коли, старался его получше устроить и плотнѣе укрыть, а на дворѣ была уже глубокая ночь, свѣтили звѣзды, но Коля не замѣчалъ ничего, что происходило вокругъ него, и спалъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ.

Раздался звонокъ, послышался

свистокъ и поѣздъ тяжело снялся съ мѣста и двинулся въ путь. Онъ повезъ Колю уже не къ Одессѣ, не къ цѣли всѣхъ его стремлений, а совершенно въ противоположную сторону, къ Харькову, куда ѣхалъ къ себѣ старичекъ. И все время этотъ старичекъ не спалъ, зорко слѣдилъ за дыханіемъ Коли и ревниво оберегалъ его покой.

— Бѣдный мальчикъ! повторялъ онъ тихонько, съ грустью покачивая головой. — И нужно-же было ему въ дорогѣ заболѣть!

Когда во второмъ часу ночи Коля открылъ глаза, то поѣздъ стоялъ уже около какой-то станціи. Горѣли огни и на платформѣ не было никого. Старичекъ суетился около своихъ вещей и спѣшно увязывалъ ихъ въ ремни.

— Вставай, дружокъ, пора! обратился онъ къ Колѣ — Мы приѣхали! Гдѣ твой узелокъ?

Онъ скомкалъ быстро вещи Коли и увязалъ ихъ кое-какъ. А затѣмъ онъ обернулъ его самага въ одѣяло сверхъ пальто и въ такомъ видѣ вывелъ его изъ вагона.

— Вотъ такъ! загорилъ онъ. — Завернись плотнѣе! Хоть сейчасъ и апрѣль, а смотри, какая холодная ночь! Носильщикъ! Да гдѣ-же носильщикъ! Ахъ, Боже мой, никого не найдешь! Придется нести самимъ! Носильщикъ! Гдѣ ты? Иди сюда!

И, забравъ всѣ свои пожитки и узелки, онъ ввелъ Колю въ вок-

залъ и вывелъ его затѣмъ изъ вокзала на крыльцо и громко крикнулъ:—

— Григорій, подавай!

Послышался топотъ копытъ и къ вокзалу подъѣхалъ экипажъ, запряженный парюю лошадей.

— Садись, голубчикъ! обратился къ Колю старичекъ и помогъ ему влѣзть въ экипажъ. — Здравствуй, Григорій! Все дома благополучно?

— Такъ точно, отвѣтилъ кучеръ. — Слава тебѣ, Господи, здоровы всѣ!

Онъ хлопнулъ вожжами и экипажъ покатился вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Въ тоже время и поѣздъ отошелъ отъ станціи и, мелькая огнями, промчался далѣе своей дорогой. Доѣхавъ до первой желѣзнодорожной будки, экипажъ переѣхалъ черезъ рельсы, свернулъ, въ сторону и закачался по мягкой проселочной дорогѣ.

„Куда онъ меня везетъ?“ думалъ Коля сквозь дремоту.

Но ему было сладко дремать и сидѣть въ мягкомъ, удобномъ экипажѣ и вся эта поѣздка казалось ему то страшнымъ, то интереснымъ сномъ.

Послышался лай собакъ, замелькали сквозь деревья огоньки и экипажъ подъѣхалъ къ большому барскому дому съ колоннами и остановился у его крыльца. Пѣли кругомъ соловьи, кричали лягушки и повсюду стоялъ густой, смолистый ароматъ свѣжей молоденькой

листвы. Темное небо было усыяно яркими звѣздами и при ихъ мерцавшемъ свѣтѣ можно было разглядѣть и вѣковыя деревья, окружавшія домъ, и надворныя постройки, и сверкавшую сбоку поверхность большого пруда.

— Приѣхали!

Старичекъ разбудилъ Колю, свелъ его съ экипажа и по ступенямъ крыльца они вошли въ домъ. Дѣвушка-прислуга, щурясь отъ свѣта лампы, которую она поставила на столикъ, стала ихъ раздѣвать и вносить ихъ вещи, а затѣмъ старичекъ взялъ Колю за руку и черезъ залу провелъ его въ какую-то другую комнату, по видимому, кабинетъ. Онъ долго шарилъ въ потьмахъ по столу и, напаривъ наконецъ спички, чиркнулъ одною изъ нихъ и зажегъ свѣчу. Коля увидалъ у стѣны большой турецкій диванъ и нѣсколько мягкихъ кресель.

— Вотъ здѣсь! опять засуетился старичекъ. — Ты переночуешь здѣсь, на этомъ диванѣ, а завтра, дастъ Богъ, будешь уже здоровъ! Присядь пока на кресло. Я сейчасъ принесу тебѣ подушку, одѣяло и простыню!..

И онъ вышелъ изъ кабинета и скоро вмѣсто него вошла та же дѣвушка—прислуга и устроила для Коли на диванѣ постель.

— Готово! сказала она наконецъ. — Ложитесь, паничъ, и спите себѣ на здоровье!

Володя раздѣлся, легъ и укрылся съ головою.

Когда онъ уже засыпалъ, то въ комнату тихонько отворилась дверь и вошли старичекъ, теперь уже въ халатѣ и въ туфляхъ, и маленькая старушка въ бѣлой кофточкѣ и въ большомъ съ гофренными оборками, чепцѣ.

— Тссс!... зашепталъ старичекъ.—Онъ спитъ!.. Не тронь его пока... Поцѣлуй его осторожноенько въ лобъ и пойдемъ назадъ!

— Бѣдняжка! зашептала и старушка.—Должно быть, онъ такой-же сирота, какъ и нашъ Алеша... Гдѣ-то онъ бѣдный теперь? Каково то ему на чужой сторонѣ?

Она перекрестилась нѣсколько разъ, утерла кончиками чепца набѣжавшія на глаза слезы и, отвернувъ съ головы Колю одѣяло, наклонилась надъ нимъ, и поцѣловала его въ лобъ.

— Какой хорошенькій!.. сказала она.

Коля повернулся во снѣ и слабо застоналъ.

— Тссс!.. снова зашепталъ старичекъ. Не тронь его!.. Пускай его спитъ!..

И, затушивъ свѣчку, оба они на цыпочкахъ вышли изъ кабинета.

М. Б-скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗИМОЙ.

Солнце встало надъ полями...
Въ золотыхъ его лучахъ
Разноцвѣтными огнями
Снѣгъ искрится на вѣтвяхъ.

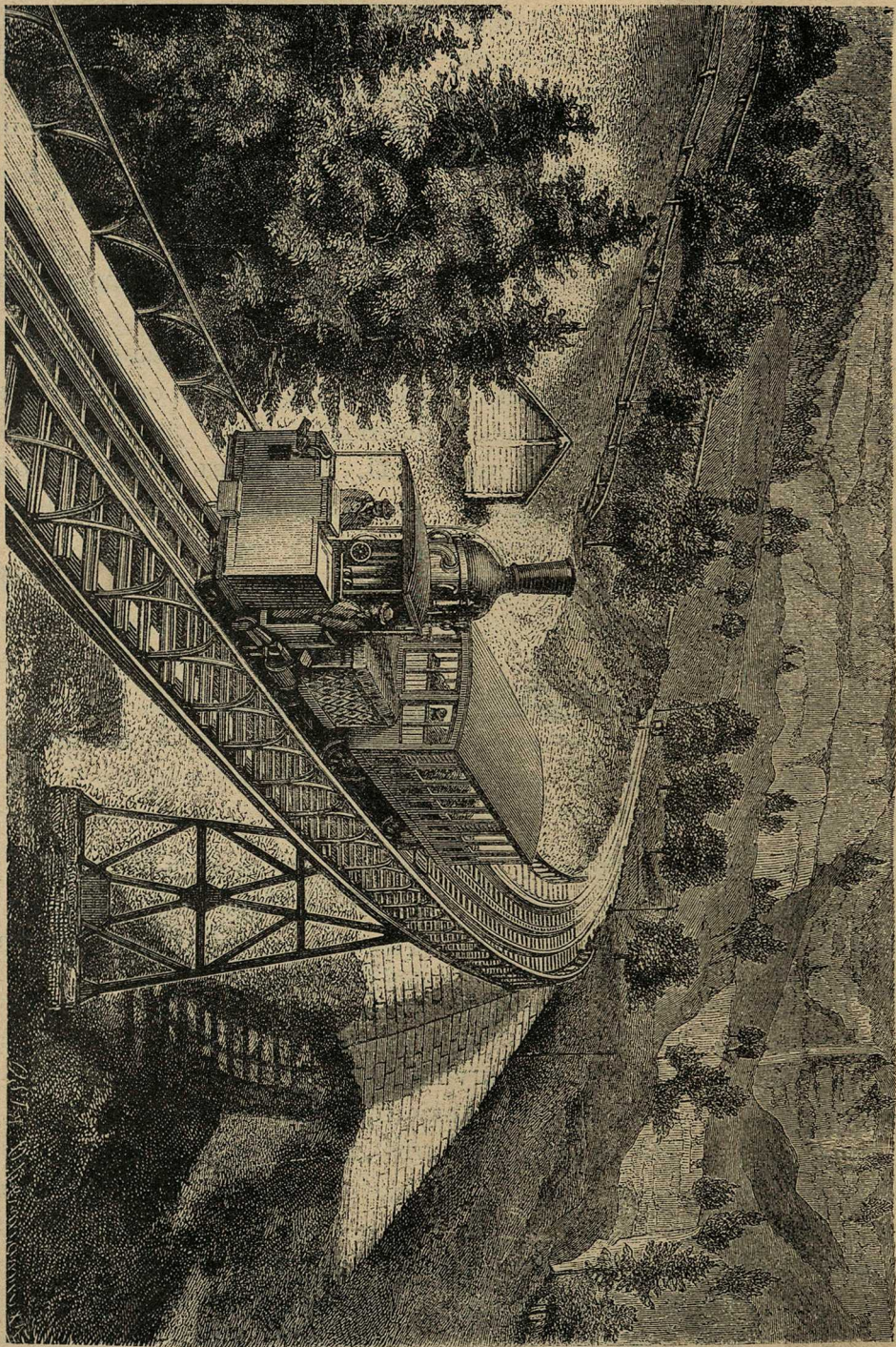
Поскорѣй напиться чаю,
Да и въ садъ давно пора!
Тамъ въ саду стоитъ крутая,
Бѣлоснѣжная гора.

Ахъ, какъ весело искрится
На вѣтвяхъ пушистый снѣгъ!
Вотъ-бы съ горки прокатиться
На саняхъ быстрѣе всѣхъ!

Е. С.

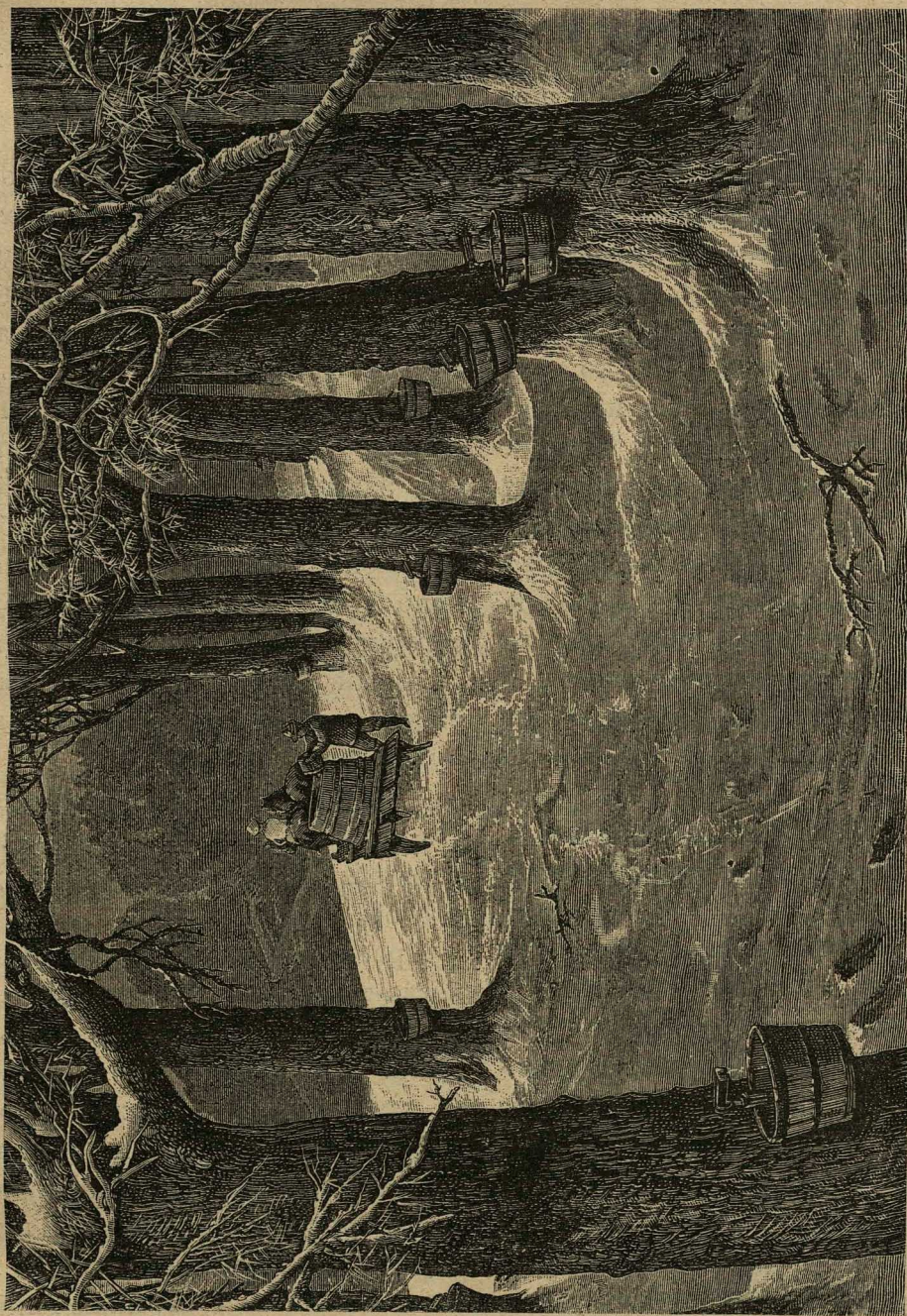

Горная желѣзная дорога въ Швейцарии.

Добываніе дегтя въ Норвегій.

НА МАЯКЪ.

На крутомъ, обрывистомъ берегу стоялъ высокій, тонкій, какъ свѣча, маякъ. Стройный, бѣлый, онъ сіялъ на солнцѣ днемъ, а ночью прорѣзалъ тьму огненнымъ лучемъ своего большого фонаря.

Внизу, у береговыхъ камней, непрестанно шумѣло море, бились дикія волны и, казалось, что тамъ притаилась смерть, поджидавшая неопытныхъ моряковъ. Сколько пловцовъ сдѣлалось жертвою этихъ камней, пока люди не устроили этотъ маякъ! И вотъ теперь онъ возвышался высоко надъ водой, указывалъ путь, и пловцы могли во время измѣнить свою дорогу и направить корабль подальше отъ камней, чтобы спасти и его, и свою жизнь.

Весь берегъ былъ пустынный. Въ ста саженьяхъ отъ маяка росъ чахлый молодой лѣсъ, а между имъ и маякомъ стоялъ маленький домикъ съ красной, черепичной крышей. Въ немъ жилъ смотритель маяка, Иванъ Ларинъ со своими женой, мальчикомъ—сыномъ Павлушей и работникомъ Оомой. Это были единственные обитатели края на пятнадцать верстъ вокругъ. По цѣлымъ недѣлямъ они не видѣли ни души и рѣдко-рѣдко кто чужой заходилъ къ нимъ въ гости въ этотъ забытый край.

Иванъ Ларинъ уже пятнадцать

лѣтъ сторожилъ свой маякъ и съ любовью и добросовѣстно выполнялъ свою отвѣтственную должность. Каждый вечеръ онъ зажигалъ на немъ огонь, подбавлялъ масла въ фонарь и поочереди со своимъ работникомъ Оомой дежурилъ всю ночь на вышкѣ, чтобы подать кому-нибудь помощь въ морѣ, если она понадобится. Днемъ, когда позволяла погода, онъ закидывалъ съ Павлушей неводъ и привозилъ домой рыбы, а его жена ухаживала за коровой и полола въ маленькомъ огородикѣ сорную траву. Казалось, что этотъ, забытый всѣми уголокъ, жилъ своей довольной жизнью и не нуждался ни въ чемъ.

— Слава Богу! говорилъ Иванъ.— Слава Богу за все! Вотъ только-бы Арсеній былъ здоровъ и даль о себѣ вѣсть!

Арсеній—былъ его старшій сынъ, когда-то живой и жизнерадостный, наполнявшій весельемъ весь его домъ. Искусный пловецъ, мастеръ на всѣ руки, онъ служилъ подмогой своему отцу, но неудержимая страсть къ морю заставляла его часто грустить и думать объ иныхъ берегахъ и иныхъ волнахъ и мечтать о полной приключеній и опасностей жизни моряка. Ему хотѣлось попасть во флотъ. И вотъ, когда ему исполнилось семнадцать

лѣтъ, старикъ собралъ послѣднія свои, скопленные трудомъ и лишениями, деньги, собралъ юношу въ путь и опредѣлилъ его матросомъ на торговое судно, уходившее въ далекіе края. Онъ не былъ въ силахъ отказать Арсенію, за то сумѣлъ во всемъ отказать себѣ и своей семьѣ, чтобы только вывести сына на дорогу.

— Вотъ подождите, говоритъ онъ женѣ и Павлушѣ, — выйдетъ нашъ Арсеній въ люди, будетъ хорошимъ морякомъ, тогда до него рукой не достанешь!

И вотъ прошли уже три долгіе года съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ пожалъ руку своему довольному и гордому своей предстоящей службой сыну. Загремѣла телѣга, поднялась по дорогѣ пыль и юноша укатилъ на пароходъ, стоявшій въ гавани въ сосѣднемъ городѣ. Долго вся семья смотрѣла ему вслѣдъ и, когда онъ скрылся, то всѣ вернулись въ домикъ съ такимъ чувствомъ, точно похоронили близкаго человѣка. Отецъ поднялся на маякъ и цѣлый день провелъ затѣмъ на его вышкѣ, все поджидая, не пройдетъ-ли мимо на горизонтѣ желанный пароходъ, на которомъ отправляется въ дорогу его сынъ, мать втихомолку утирала слезы, а Павлуша ходилъ хмурый и понуривъ голову: онъ крѣпко любилъ брата и теперь ему было скучно одному.

— „Зачѣмъ онъ уѣхалъ?“ то и

дѣло повторялъ онъ. „Зачѣмъ онъ бросилъ насъ здѣсь однихъ?“

И теперь, когда прошли эти три года и отъ Арсенія за все время не пришло ни одного письма, старикъ Иванъ опять сидѣлъ на вышкѣ своего маяка, всматривался въ даль и думалъ про себя:

«Онъ не вернется больше... Онъ или погибъ, или-же сталъ ученымъ и богатымъ и отрекся теперь отъ своего стараго отца!.. Зачѣмъ я отпустилъ тогда его на пароходъ? Зачѣмъ я не удержалъ его при себѣ?»

И, предавшись своимъ грустнымъ мыслямъ, старикъ опустил свою сѣдую голову на перила рѣшетки и такъ долго-долго просидѣлъ на вышкѣ и все думалъ свою невеселую думу.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Чу! что это тамъ послышалось внизу на берегу?

Кто это подѣхалъ на телѣгѣ къ его домику въ такой неурочный день?

Онъ поднялъ голову и прислушался.

— „Эй, хозяинъ! вдругъ послышался снизу голосъ его работника Оомы. — Сойди-ка поскорѣе внизъ! Тебѣ письмо! Привезъ нарочный!

Ему, Ивану Ларину письмо? Да можетъ-ли это быть? Не ослышался-ли онъ? Онъ не получалъ писемъ вотъ уже столько лѣтъ и вдругъ кто-то вспомнилъ о немъ въ его одиночествѣ и написалъ ему!

И внѣ себя отъ радости старикъ закричалъ Оомѣ внизъ:

— Сейчасъ! Сейчасъ! Я сойду сейчасъ внизъ къ тебѣ!

Онъ быстро сбѣжалъ по винтовой лѣстницѣ, которая показалась ему теперь безконечной, и дрожавшими отъ волненія руками схватилъ отъ Оомы драгоценный конвертъ.

— Отъ него! воскликнулъ онъ.— Это отъ Арсенія!

И прежде чѣмъ распечатать конвертъ, онъ сталъ оглядывать его со всѣхъ сторонъ.

— Да, это отъ него! Его почеркъ, продолжалъ онъ.— Привезъ нарочный? Изъ города? Значить, Арсеній сейчасъ въ Россіи? Эй, старуха, жена! Иди сюда скорѣй! Намъ пришло отъ Арсенія письмо!

Заслышавъ его голосъ, его жена бросила все и побѣжала къ мужу. Съ большими отъ волненія глазами, къ отцу подошелъ и Павлуша и сталъ тоже глядѣть на письмо.

— Читай, читай поскорѣе! залепетала мать.— Что онъ, голубчикъ пишетъ? Здоровъ-ли онъ? Какъ ему жилось на чужой сторонѣ?

И Иванъ принялся за чтеніе письма. Какъ засіяли отъ счастья его глаза, когда онъ, задыхаясь отъ волненія, читалъ строки отъ того, кого давно уже считалъ погибшимъ или потеряннымъ для семьи навсегда. Съ все возрастающимъ волненіемъ отецъ читалъ описаніе плаванія своего старшаго сына, его жалобы на то, что ро-

дители его совсѣмъ забыли и не отвѣчаютъ на его письма, мать слѣдила за каждымъ словомъ письма, Павлуша весь превратился во вниманіе и тутъ-же стояли и работникъ Оома и привезшій на маякъ письмо мужичекъ и оба раздѣляли радость семьи.

— Значить, Арсеній насъ не забывалъ и намъ писалъ! вдругъ прервалъ чтеніе письма старикъ.— Да только его письма пропадали въ дорогѣ и не доходили до насъ!

— Голубчикъ мой! лепетала мать и утирала слезы кончиками своего платка.— Соколикъ мой дорогой!

Но конецъ письма превзошелъ всѣ радостныя ожиданія обитателей маяка. Арсеній писалъ, что его корабль пришелъ въ сосѣдній городъ для нагрузки пшеницы и что онъ, Арсеній, получилъ отпускъ на пять дней и, чтобы не терять даромъ времени на далекій переѣздъ на лошадяхъ, прямо въ лодкѣ, подъ парусомъ, приплыветъ изъ порта къ маяку.

„Я предпочитаю проѣхать два-три часа въ лодкѣ, чѣмъ цѣлые полдня трястись по скверной дорогѣ на колесахъ. Ждите меня послѣ завтра, въ субботу, около шести часовъ утра. Я выйду на ночь“.

И въ домикѣ подъ красной черепицей началась необычная суета. Въ ожиданіи гостя поднялись чистка, уборка и мытье половъ. Наканунѣ мать приготовила съ Павлушей мягкую постель. До-

стали солонины и кой-чего мясного. Нашлась и бутылочка какого-то стараго краснаго вина. Хорошая женщина не покладала рукъ и въ хлопотахъ и въ трудѣ старалась скоротать время, которое казалось ей безконечнымъ. Самъ Иванъ Ларинъ цѣлые дни проводилъ на вышкѣ маяка, у самаго фонаря, и все смотрѣлъ въ море, стараясь разглядѣть на горизонтѣ бѣлый парусъ, хотя до утра субботы оставались еще цѣлыя сутки.

— Воображаю, какъ онъ теперь выросъ и возмужалъ!.. мечталъ онъ о сынѣ.— Должно быть, выросли уже усы и весь онъ сталъ теперь настоящимъ мужчиной!..

Но вотъ и вечеръ подъ субботу. Дуетъ вѣтеръ, по небу клочьями ползутъ разорванныя облака и волны съ шумомъ набѣгаютъ на береговые камни и разбиваются на тысячи брызгъ. Отъ порывовъ вѣтра хлопаютъ желѣзныя ставни на маякѣ и раздается особенный крикъ чаекъ, летающихъ надъ самой водой.

— Быть бурѣ!.. шепчетъ старикъ и со страхомъ поглядываетъ на мрачный горизонтъ. Быть бѣдѣ!

Павлуша тоже очень хорошій морякъ и отлично знаетъ всѣ условія погоды и всѣ особенности своей бухты, чтобы не понять сразу, что на морѣ будетъ штормъ. При взглядѣ на отца и на мать онъ опускаетъ отъ жалости глаза и только шепчетъ про себя:

— Господи, дай, чтобы Арсеній завтра не приѣзжалъ! Удержи его на берегу или пошли его къ намъ въ телѣгѣ!

А вѣтеръ уже завываетъ на всѣ лады, море клокочетъ, какъ въ котлѣ, и все кругомъ окутывается непроницаемой мглой. Кричатъ чайки. Пѣнятся и шумятъ волны внизу у береговыхъ камней. Летаютъ еще какія-то птицы, не смотря на темноту. Слышно, какъ гдѣ-то въ вышинѣ, на крышѣ маяка, вѣтеръ гремитъ загнувшимся желѣзнымъ листомъ...

Ночь. Уже шесть часовъ стоитъ на вышкѣ старикъ и глядитъ въ темное пространство. Тонкій, длинный лучъ маяка освѣщаетъ клочущее море, но совсѣмъ не въ ту сторону, откуда долженъ появиться желанный парусъ. Старикъ озябъ, закостенѣлъ и его слабые глаза болятъ отъ напряженія. Его ноги еле стоятъ. Ему давно уже пора сойти внизъ отдохнуть...

И вдругъ около него появляется Павлуша.

— Отецъ, обращается онъ къ нему,— ты стоишь здѣсь на вахтѣ уже шесть часовъ. Сойди внизъ и отдохни. Я постою здѣсь за тебя!

Отецъ поднимаетъ на него глаза и оглядываетъ его съ ногъ до головы. Да, его Павлуша молодъ, бодръ и выносливъ его! У него молодые зоркіе глаза и онъ увидитъ въ темнотѣ парусъ лучше, чѣмъ онъ, старикъ, и тотчасъ-же

сбѣжитъ внизъ и скажетъ ему, что Арсеній уже плыветъ!

И, похлопавъ мальчика по плечу, онъ оставляетъ его на вахтѣ одного и, усталый и утрюмый, отправляется къ себѣ домой.

— Я надѣюсь на тебя, Павлуша, говоритъ онъ ему, уходя.—Ты всегда былъ послушнымъ, почтительнымъ сыномъ и всегда зналъ, что такое долгъ. Сейчасъ уже второй часъ ночи. До разсвѣта еще далеко. Ты гляди въ море и слѣди за тѣмъ, чтобы не потухъ нашъ маякъ. Если увидишь нашего Арсенія, то бѣги сейчасъ-же за мной!..

Онъ уходитъ и мальчикъ остается на вышкѣ одинъ.

Внимательно осматриваетъ онъ помпу для накачиванія масла въ лампу фонаря и всѣ остальные мелочи маяка, отъ исправности которыхъ зависитъ безопасность застигнутыхъ бурей моряковъ. Теперь маякъ на его попеченіи и онъ сдѣлаетъ такъ, чтобы онъ горѣлъ еще ярче и свѣтлѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и еще лучше освѣщаль его брату путь.

И онъ усиливаетъ въ фонарѣ огонь.

Все сильнѣй и грознѣй развѣтывается буря. Сѣверо-восточный вѣтеръ завываетъ все злѣе и злѣе, гудитъ подъ крышей маяка и Павлушѣ кажется, что онъ покачивается изъ стороны въ сторону даже каменную вышку маяка. Мальчикъ хва-

тается за перила рѣшетки и боясь, какъ-бы не упасть, устремляетъ глаза въ темноту.

— Господи! шепчетъ онъ.—Дай, чтобы Арсеній не пріѣзжалъ! Удержи его на берегу!

Шумятъ волны. Дуетъ вѣтеръ. Уже четыре часа утра. Мальчикъ утомился, озябъ и хочетъ спать. У него слипаются глаза. Черезъ часъ будетъ свѣтать.

И чѣмъ ближе время подходитъ къ разсвѣту, тѣмъ Павлушѣ все больше и больше хочется спать и тѣмъ труднѣе ему стоять наверху, бороться съ вѣтромъ и вглядываться въ даль. Еще одинъ часъ—и станетъ уже свѣтло и тогда онъ спокойно загаситъ на маякѣ огонь и уйдетъ домой спать. Значитъ, Арсеній испугался непогоды и не пріѣдетъ совсѣмъ. Славу Богу. Съ какимъ наслажденіемъ Павлуша ляжетъ въ свою теплую постель, укутается одѣяломъ съ головой, протянетъ ноги и будетъ спать, спать до десяти часовъ утра!

И онъ улыбается въ полуснѣ и начинаетъ мечтать о томъ, какъ, проснувшись, завтра онъ увидитъ своего брата уже дома и начнетъ его слушать, слушать безъ конца.

И вдругъ до него долетаетъ изъ глубины чей-то голосъ:—

— Ко мнѣ! Ко мнѣ!

Павлуша вздрагиваетъ, стряхиваетъ съ себя дремоту, прислушивается и вглядывается въ темноту.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! повторяется крикъ.

Мальчикъ напругаетъ всѣ свои силы, хватается впопыхахъ то за одинъ, то за другой предметъ и наконецъ, не зная, что дѣлать, свѣшивается за перила рѣшетки внизъ и начинаетъ слушать.

Да, это онъ, его братъ Арсеній! Онъ узналъ его голосъ! Его братъ гдѣ-то здѣсь, внизу, почти у самаго маяка, гдѣ волны съ шумомъ ударяются о камни и гдѣ такъ темно, что не видно ничего. Онъ теперь борется тамъ съ волнами, быть можетъ онъ уже сейчасъ разбился о камень и погибъ! Значитъ, пора бѣжать сейчасъ къ отцу, будить его и звать на помощь! Но успѣтъ-ли онъ? Успѣтъ-ли онъ добѣжать до дома и возвратиться затѣмъ опять къ маяку, чтобъ сѣсть въ лодку и съ опасностью для собственной жизни пуститься въ море и подать помощь своему брату?

И ему представилось, какъ испугается его мать, какимъ горемъ исказится вдругъ лицо его отца, когда онъ вбѣжитъ сейчасъ въ домъ и объявитъ имъ, что слышалъ сейчасъ голосъ Арсенія, который погибаетъ здѣсь гдѣ-то у берега, у самыхъ камней, и зоветъ на помощь.

И, позабывъ о себѣ, думая только о матери и отцѣ, мальчикъ рѣшительно тряхнулъ головою и побѣжалъ къ водѣ.

Тамъ торчали у берега высокіе, черные камни и неумолимыя волны лизали ихъ вотъ уже цѣлыя тысячи лѣтъ и разбивались о нихъ на массы брызгъ. Тамъ, у этихъ камней, погибло не одно судно и тамъ теперь барахтается Арсеній.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! раздается его голосъ и вѣтеръ разноситъ его по сторонамъ.

У берега стоитъ вытянутая на песокъ лодка. Въ ней лежатъ на всякій случай весла и пробковый костюмъ. Мальчикъ сбѣгаетъ къ ней, надѣваетъ на себя пробковый костюмъ, сдвигаетъ лодку въ воду и взмахиваетъ веслами. Поднявшаяся волна подхватываетъ лодку и выноситъ ее въ море.

— Держись! кричитъ мальчикъ, насколько хватается у него силъ. — Смѣлѣ! Я плыву къ тебѣ на помощь!

И онъ исчезаетъ въ темнотѣ.

.....

Утромъ Иванъ Ларинъ и Оома выходятъ на берегъ и съ удивленіемъ видятъ, что маякъ еще горитъ. Значитъ Павлуша позабылъ о своемъ долгѣ, заснулъ и позабылъ его съ разсвѣтомъ потушить.

Старикъ влѣзаетъ на вышку, гаситъ фонарь и съ удивленіемъ видитъ, что Павлуши тамъ нѣтъ.

— „Гдѣ-бы онъ могъ быть?“ думаетъ онъ и спускается внизъ.

По прежнему дуетъ вѣтеръ, шумитъ море и по небу ползутъ свинцовыя облака.

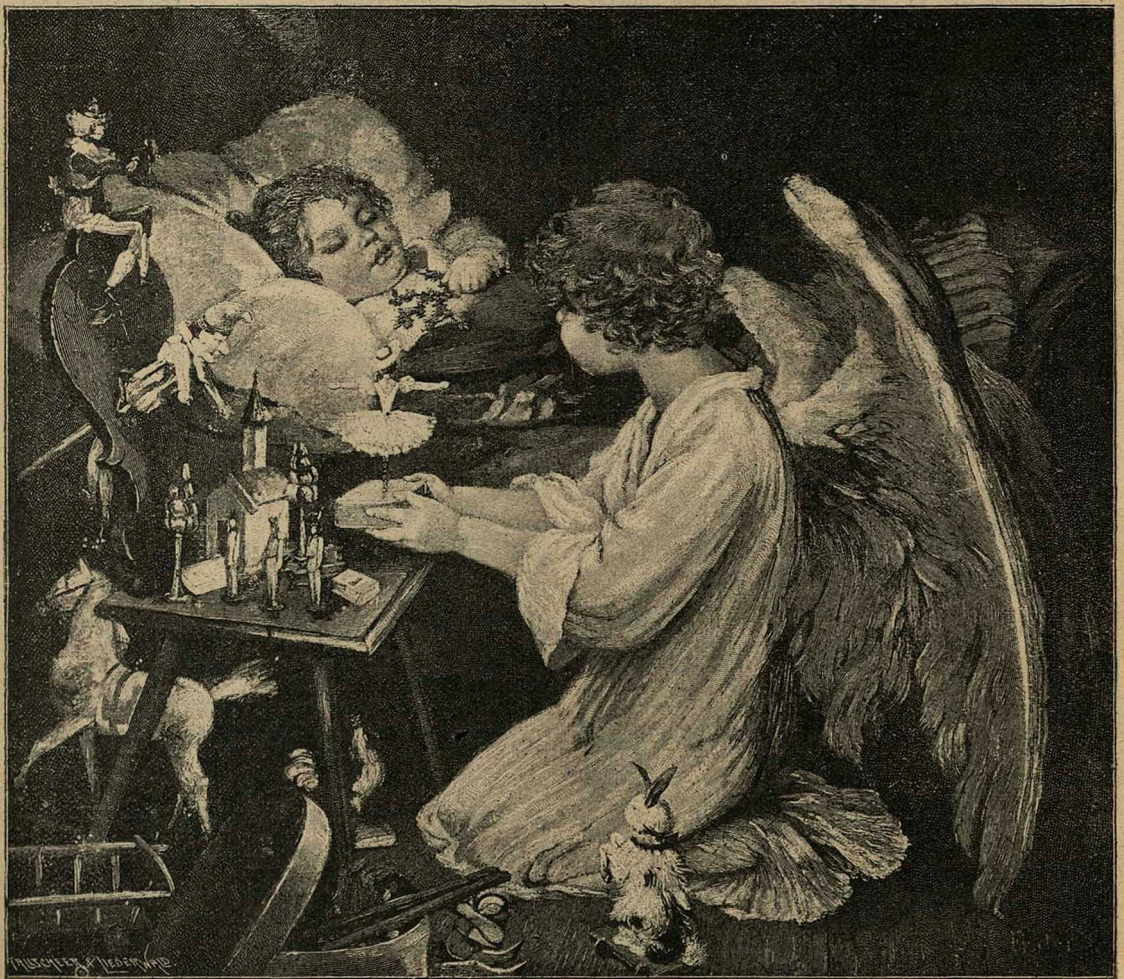
— Сегодня прїѣдетъ Арсенїи! обращается Ларинъ къ Томѣ. — Онъ не отважился плыть въ такую бурю по водѣ. Его надо ждать сухимъ путемъ...

Онъ и Тома сходятъ затѣмъ къ берегу и вдругъ видятъ передъ собой Павлушу. Онъ блѣденъ, мокръ и едва стоитъ на ногахъ.

— Отецъ! говоритъ онъ и голосъ его такъ слабъ, что едва слышится среди воя непогоды. — Я только что

пришелъ въ себя и вотъ иду сейчасъ за тобой... Цѣлые два часа я пролежалъ на пескѣ безъ чувствъ... Я спасъ ночью своего брата Арсенїя, вытащилъ его на берегъ и вотъ онъ лежитъ сейчасъ тоже безъ чувствъ... Помогите ему прїйти въ себя!

Мальчикъ опускается на камень и начинаетъ тяжело дышать. Отецъ и Тома брасаются къ Арсенїю и стараются привести его въ себя.

Сладкій сонъ.

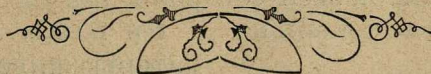
А затѣмъ, когда молодой морякъ приходитъ въ чувство и съ радостью узнаетъ своего отца, то Иванъ бѣжитъ къ Павлушѣ, обнимаетъ его и прижимаетъ его голову къ своей груди...

— Павлуша! говоритъ онъ. — Мой милый, дорогой, самоотверженный сынокъ! Чѣмъ мнѣ тебя благода-

рить? Да благословить тебя Господь!

И всѣ четверо тихонько отправляются въ домикъ съ красной черепичной крышей, гдѣ имъ навстрѣчу выходитъ мать и отъ радости начинаетъ плакать. Плакать и смѣяться. Такова искренняя радость.

Конст. Треплевъ.

ГОВОРЯЩАЯ КУКЛА.

Комедія—сказка въ двухъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Король.
Королева.
Принцесса—ихъ дочь.
Кукла.

Воспитатель.
Гувернантка.
Первый пажъ.
Второй пажъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Заль во дворцѣ. Посреди тронъ для короля и королевы.

I.

1-й пажъ. Ну, Артуръ, какъ чувствуетъ себя сегодня принцесса?

2-й пажъ. Увы! все такъ-же. Ея высочество опять не спала всю ночь! Она ничего не ѣстъ и все время плачетъ!

1-й пажъ. Что это, капризь или серьезно?

2-й пажъ. Не знаю!.. Съ ней невозможно говорить. Она только и знаетъ, что твердить:—„Я хочу имѣть говорящую куклу!“ Говорящую куклу и только.

1-й пажъ. Странно, что она не требуетъ себѣ настоящей луны и звѣздъ!

2-й пажъ. О, она способна и на это!

1-й пажъ. Вотъ результатъ прекраснаго воспитанія.

2-й пажъ. Типе! Король и королева! [уходятъ].

II.

Входятъ король и королева въ сопровожденіи воспитателя, гувернантки и стражи. Король садится на тронъ, королева рядомъ съ нимъ.

Король [къ гувернантѣ и воспитателю]. Я васъ пригласилъ сюда, чтобы поговорить съ вами о моей дочери—принцессѣ.

Воспитатель [кланяясь]— Ждемъ приказаній вашего величества.

Королева. Подобное ея состояніе не должно и не можетъ дольше продолжаться!

Воспитатель. Я самъ вижу это,

ваше величество, но что-же я могу подѣлать!

Гувернантка. Я истощила уже всѣ свои усилія...

Король. Неужели вашихъ познаний недостаточно, чтобы справиться съ дѣтскимъ капризомъ?

Воспитатель. Мы признаемъ себя безсильными! Ея высочество находится подѣ влияніемъ видѣннаго ею сна и никакими силами ее нельзя развлечь, ничто ее теперь не интересуетъ...

Гувернантка. Ея высочество выбросила за окошко всѣ свои книги, сломала всѣ свои игрушки!

Король. [вздыхаетъ] Увы!

Королева. Увы.

Воспитатель [громко] Увы!

Гувернантка [еще громче] Увы!

Король. Значитъ, намъ придется видѣть свою единственную дочь погибающей отъ горя?

Королева. Самые бѣдные люди нашей страны и тѣ менѣе несчастны, чѣмъ мы!

Король. Никто не приходитъ къ намъ на помощь.

Воспитатель [громко вздыхаетъ] Увы!

Гувернантка [еще громче] Увы!..

(Входитъ 1-й пажъ).

1-й ПАЖЪ [съ глубокимъ поклономъ] Могу-ли я высказать одну мысль?

Королева. О чемъ?

1-й пажъ. О вашей дочери—принцессѣ... Быть можетъ, ее можно еще развлечь...

Королева. Но вѣдь это все, что мнѣ нужно!

Король. Посмотримъ, о чемъ ты намъ будешь говорить!..

Королева. Я слушаю...

1-й пажъ. Принцесса требуетъ, чтобы у нея непременно была говорящая кукла. Но вѣдь говорящихъ куколъ не существуетъ.

Воспитатель. Это не новость.

Королева. Дайте ему говорить.

1-й пажъ. Говорящихъ куколъ не существуетъ, но за то есть на свѣтѣ маленькія дѣвочки, которыя умѣютъ говорить. Среди нихъ можно найти одну, которая согласится быть куклой на время...

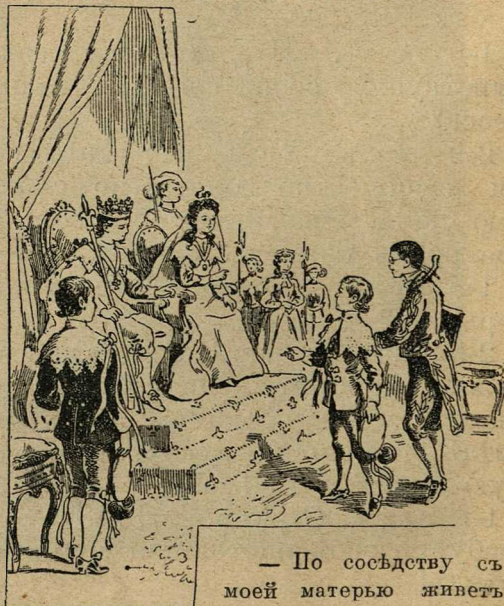
Король. Но какая-же дѣвочка захочетъ взять на себя такую роль?

1-й пажъ. По сосѣдству съ моей матерью живетъ одна бѣдная вдова, мать пятерыхъ дѣтей!.. Старшая изъ этихъ дѣтей такая хорошенькая дѣвочка, что дѣйствительно могла-бы походить на куклу. Эта вдова такъ бѣдна, что ей слѣдовало-бы хоть чѣмъ-нибудь помочь...

Королева. Что-же для нея сдѣлать?

1-й пажъ. Можно было-бы взять у нея на прокатъ ея дочь и за это что-нибудь ей уплатить...

Гувернантка. Въ самомъ дѣлѣ, почему не попробовать? Ее можно

— По сосѣдству съ моей матерью живетъ бѣдная вдова.

поставить на подставку съ механической пружиной и дѣлать видъ, что мы ее заводимъ и она движется и говоритъ, только благодаря этой пружинѣ...

Король. И вы думаете, что это поможетъ?

Королева. Это наша послѣдняя надежда. (Пажу) Иди и дѣйствуй! Приведи эту дѣвочку и сдѣлай все, что возможно! Я надѣюсь на тебя.

1-й ПАЖЪ [раскланивается. За кулисами слышны плачь и крики].

III.

Тѣ-же и Принцесса.

Принцесса. [входитъ и топаетъ ногами] Я ее хочу! Я ее требую! Я желаю имѣть куклу, которая-бы двигалась и говорила, какъ живая! Дайте мнѣ такую куклу! Я дочь короля и мнѣ не могутъ достать то, что я желаю! (Плачетъ).

Королева. Ахъ, мое дитя, какъ ты меня огорчаешь!

Принцесса. Я хочу сейчасъ-же! Сейчасъ!.. Сейчасъ!..

Королева. Но потерпи, моя дѣвочка, быть можетъ она гдѣ нибудь и найдется.. Вѣдь сразу нельзя...

Принцесса. Нѣтъ я хочу теперь-же, сію-же минуту, иначе я умру съ горя и вы разстанетесь со мною навсегда!

Король. Что-же я могу сдѣлать, дитя мое?.. Вѣдь говорящихъ куколъ на свѣтѣ нѣтъ! Успокойся!.. Ты видѣла этотъ несчастный сонъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не можешь найти себѣ покоя. Вѣдь кукла говорила только во снѣ, когда ты спала! Пойми, что ты теперь не спишь, а живешь и дѣйствуешь на яву.

Принцесса [плачетъ]. Куклу! Дайте мнѣ говорящую куклу!.. Иначе я заболѣю и умру!..

Королева. [въ отчаяніи]. Ну, что намъ теперь дѣлать? Какъ намъ быть? Вѣдь такъ она дѣйствительно можетъ заболѣть и, чего добраго сляжетъ еще въ постель...

1-й пажъ. Такъ прикажете, ваше величество, дѣйствовать? Прикажете отправляться къ вдовѣ?

Король. Да! да! Отправляйся къ ней скорѣе и дѣлай то, о чемъ ты говорилъ! Кто знаетъ, быть можетъ изъ этого что-нибудь и выйдетъ!

Королева. Дай-то Богъ!

1-й пажъ. Постараюсь устроить все въ одну минуту! [уходитъ].

Принцесса. Куклу! Куклу! Дайте мнѣ говорящую куклу, иначе я умру! [Плачетъ и падаетъ безъ чувствъ].

Король [бросается къ ней]. Успокойся дитя мое, сейчасъ тебѣ ее принесутъ! Я послалъ пажа въ магазинъ, онъ купитъ ее, и ее сейчасъ пришлютъ! Успокойся! Очнись!

[Все бросаются къ принцессѣ и окружаютъ ее].
ЗАНАВѢСЪ.

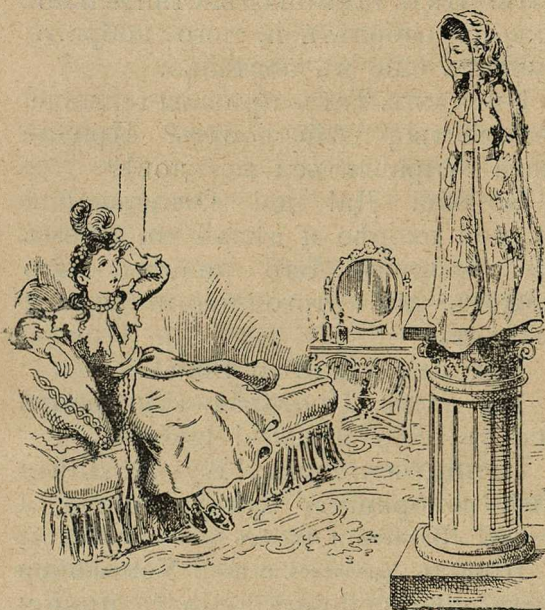
ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната принцессы. Она лежитъ на кушеткѣ. На первомъ планѣ, на подставкѣ, стоитъ кукла, покрытая вуалью. Она одѣта въ атласное розовое платье, вышитое золотомъ. Въ подставку вдѣлана для завода пружина. Въ глубинѣ стоятъ неподвижно: Губернатка, Воспитатель и Пажи.

Принцесса. [потягиваясь]. Кажется, я спала? Да... да!.. Я вспоминаю... Я очень много плакала и упала отъ усталости!.. Я грѣзила о куклѣ... Ахъ, зачѣмъ я проснулась?... [замѣчаетъ куклу]. Но что это такое?... Это она!.. Возможно-ли?.. Я, навѣрно, вижу еще сонъ!.. Но нѣтъ!.. Я не сплю!.. Это она, моя милая гово-

шая кукла! [Поднимается и подходит]. Она еще прекраснѣе той, которую я видѣла во снѣ!.. [Осматриваетъ]. Нѣтъ, я не могла даже и вообразить такую прелестную куклу!..

— Я навѣрное еще вижу сонъ.

Какіе красивые волосы!.. А эти глазки съ рѣсницами!.. Розовыя губки... Какой хорошенькій ротикъ!.. Вотъ прелестная куколка! И какая большая!.. Еще больше меня! Какъ я довольна!.. [Хлопаетъ въ ладоши и прыгаетъ отъ радости]. Подойдите сюда всѣ! Посмотрите, на эту восхитительную куклу!..

[Всѣ подходятъ къ куклѣ и съ притворнымъ любопытствомъ осматриваютъ ее].

Принцесса. Но говорить ли она? А что, если она такъ-же нѣма, какъ и всѣ другія?... [Складываетъ руки и обращается къ куклѣ]. Кукла, скажи мнѣ твое имя? [Кукла не отвѣчаетъ]. Какъ тебя зовутъ?.. Молчишь... Она тоже нѣмая!.. [Плачетъ]. И эта тоже не говорить ничего!.. Вы видите?.. Она мнѣ не отвѣчаетъ.

2-й пажъ. Вы забыли повернуть пружину!

Принцесса. Пружину?.. А гдѣ она?.. Ахъ, вотъ она гдѣ! [Прыгая отъ радости]. А я совсѣмъ и не вижу! [Она наклоняется и поворачиваетъ ручку пружины]. Ну, теперь, моя прелестная куколка, скажи мнѣ твое имя.

Кукла, [громко, но безъ выраженія]. Розета.

Принцесса, [внѣ себя отъ радости]. Какъ она хорошо это сказала! Неправда ли? [Къ куклѣ]. Какое у тебя прелестное имя! Какая ты хорошенькая! Я люблю тебя!.. А ты меня любишь?

Кукла. Да, люблю...

Принцесса. Какое счастье! [Пажемъ, Воспитателю и Гувернанткѣ]. Уйдите, я хочу на-единѣ побесѣдовать съ моей куклой.

[Всѣ уходятъ. 1-й пажъ остается у двери и нѣсколько разъ высовываетъ голову изъ-за драпировки].

II.

Принцесса и Кукла.

Принцесса. [Поворачиваетъ ручку пружинки]. Такъ ты дѣйствительно умѣешь говорить?

Кукла. Да...

Принцесса. Ужъ сколько времени я мечтала о тебѣ! Если-бы ты знала, какъ я плакала, чтобы только получить тебя... Ты не знала объ этомъ?

Кукла. Не знала...

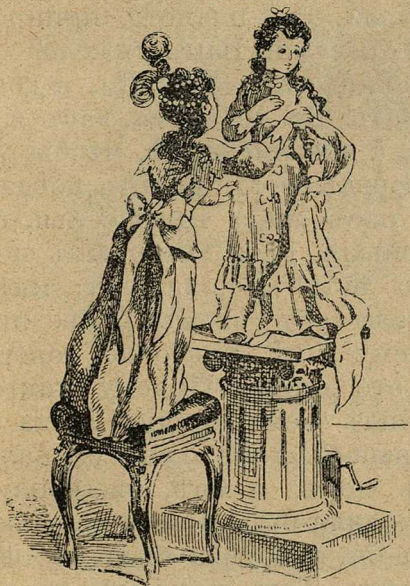
Принцесса. Но зато теперь я вполне довольна!.. А ты довольна, что попала ко мнѣ?

Кукла. Очень довольна.

Принцесса. Я тебѣ дамъ все, чего только ты ни захочешь; мой папа—король и дѣлаетъ для меня все, что только я ни пожелаю... А я исполню всѣ твои желанія... Только ты говори! У тебя такой

пріятный голосъ! Наконецъ то ты у меня!.. Вѣдь тебя искали повсюду, но нигдѣ не могли найти... Гдѣ же ты была? [Кукла не отвѣчаетъ].

— Обопрись объ меня и я тебя сведу.

Ты не отвѣчаешь? Говори же, говори!.. Вѣдь ты только что говорила. Ну, я тебя прошу, повтори еще разъ, какъ тебя зовутъ? Я хочу слышать твой голосъ... [Подходитъ совсѣмъ близко и поднимаетъ на куклѣ вуаль]. Что это? Возможно ли?! Слезы! Настоящія слезы, которыя текутъ у тебя по щекамъ!.. Ты уже больше не говорящая кукла, а кукла, которая плачетъ!.. Но нѣтъ, даже не кукла. Плачутъ только тогда, когда есть горе, а развѣ оно у тебя есть? Скажи мнѣ, скажи!.. Какое у тебя горе?

Кукла [громко заплакавъ]. Я не виновата!.. Простите! Я больше не буду!

Принцесса. Что такое? Въ чемъ

ты не виновата? Я ничего не понимаю!

Кукла. Я устала здѣсь стоять и не двигаться... Я хочу сойти и побѣгать!

Принцесса. Побѣгать? Развѣ ты умѣешь и бѣгать? Вотъ хорошо! Теперь мы вмѣстѣ будемъ пѣть, играть, разговаривать, бѣгать по парку!.. Только не плачь, пожалуйста... Ты хочешь сойти на полъ? Ну, что-жь? Обопрись объ меня и я тебя сведу...

[Обнимаетъ Куклу за талію, помогаетъ ей сойти съ подставки и обѣ онѣ садятся затѣмъ рядомъ, на кушетку].

III.

Входятъ, Воспитатель, Гувернантка и пажь. Они остаются въ глубинѣ комнаты и дѣлаютъ другъ другу знаки.

Воспитатель. [Шопотомъ Гувернанткѣ] Ну, что? Развеселилась? Довольна?

1-й пажь. Тсс! Тише! Она приняла ее за куклу.

Гувернантка. Надо пойти позвать сюда короля.

2-й пажь. Да, да! Надо схопить и за королевой.

Воспитатель. Кажется, дѣло идетъ на ладъ! Пойдемте за королемъ и королевой!

Всѣ. Идемте! Идемте! [Уходятъ].

Кукла, [утирая глазки]. Увѣряю васъ, я не виновата.

Принцесса. Я тебя прошу, расскажи мнѣ все!

Кукла. А вы не обидитесь?

Принцесса. Нѣтъ, нисколько... Говори все! Мнѣ такъ пріятно, что ты говоришь!

Кукла. Въ такомъ случаѣ слушайте. Мы очень бѣдны и у насъ дома уже не было хлѣба, когда вашъ пажь вдругъ прибѣжалъ къ моей мамѣ и предложилъ ей отпустить меня къ вамъ во дворецъ,

чтобы я была куклой. Если бъ вы знали, какъ мы этому обрадовались! Это было нашимъ спасеніемъ, потому что вашъ папа — король дастъ мамѣ немного денегъ и мы будемъ сыты... Меня одѣли вотъ въ это платье, поставили на эту штуку и приказали стоять совершенно неподвижно. Точь въ точь, какъ настоящая кукла!..

Принцесса. Такъ, значитъ, ты вовсе не кукла? Ты живая?

Кукла. Да, живая... И мнѣ такъ неловко!..

Принцесса. Ты очень хорошо исполнила свою роль.

Кукла. Я стояла, какъ деревянная, но потомъ, когда вы проснулись, я вспомнила нашу бѣдную избушку, маму, братьевъ и сестеръ и такъ мнѣ захотѣлось вдругъ домой, что я не смогла удержаться и заплакала. Принцесса... Отпустите меня домой!..

Принцесса. Но вѣдь тамъ у васъ бѣдность!.. Тамъ вамъ нечего ѣсть!..

Кукла. Это ничего... Мы поголодаемъ, но за то мы опять будемъ жить всѣ вмѣстѣ... А это такъ весело!..

Принцесса. Ты скучаешь когда-нибудь?

Кукла. Нѣтъ, мнѣ некогда скучать! Все время я занята работой и помогаю мамѣ...

Принцесса. А есть у тебя куклы?

Кукла. Нѣтъ... Я няньчу своего маленькаго братишку и онъ замѣняетъ мнѣ куклу.

Принцесса. Какъ же тебѣ можетъ быть весело, если ты каждый день съ утра и до вечера занята?

Кукла. Я не замѣчаю скуки. Мнѣ скучно только тогда, когда я не

дѣлаю ничего. Вотъ и сейчасъ.. Я стояла на этой штукѣ и ничего не дѣлала и вдругъ мнѣ стало такъ скучно-скучно!.. Отпустите меня домой!

Принцесса [закрываетъ руками лицо].

Кукла. Вы плачете, принцесса? Что съ вами? Вамъ тяжело?

Принцесса [вставая]. Да, я должна плакать! Въ то время, какъ я требовала невозможнаго, чтобы удовлетворить свою прихоть, невдалекѣ отъ насъ жила ваша семья, были маленькія дѣти, которымъ нечего было ѣсть! Но, почему, мнѣ не сказалъ объ этомъ ранѣе никто? Почему мнѣ никто не говорилъ, что это дурно? Почему никто не научилъ меня труду? Тогда я не скучала-бы такъ, какъ скучала до сихъ поръ, и мнѣ, въ голову не приходили-бы разныя глупости... Какъ-бы я хотѣла быть тобой!

Кукла. Такъ пойдите къ намъ! Пойдите сейчасъ со мной!

Принцесса. [Подумавъ]. А какъ же я разстанусь съ папой и мамой? Нѣтъ, уже лучше переѣзжайте вы всѣ къ намъ во дворецъ!

[Входятъ, Король, Королева, Гувернантка, Воспитатель, паж и свита].

IV.

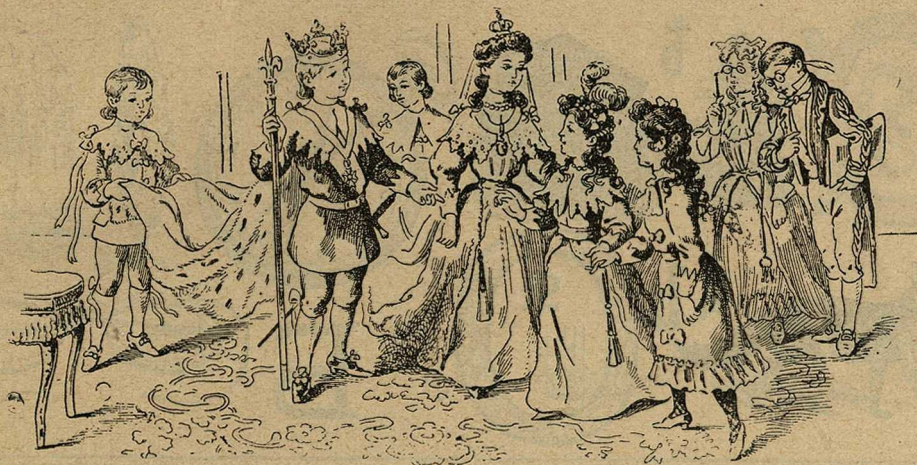
Принцесса [бросается къ королевѣ, держа за руку куклу]. Ахъ, мамочка, папа, если-бы вы знали, какъ я рада, какъ я довольна! Теперь эта кукла останется со мною навсегда. И не только она, но и ея мать, ея братья и сестры и всѣ они будутъ жить здѣсь! И я даю вамъ слово не хандрить и не скучать уже больше никогда!

Всѣ. Ура!!

Король. Твое желаніе будетъ исполнено и эта бѣдная дѣвочка

будетъ твоей подругой. Я слышала сейчасъ за дверью весь вашъ разговоръ и слышала, какъ вы говорили мнѣ тебя поцѣловать! [Цѣлуетъ ее]. А теперь отправляйся къ своей матери

— Теперь эта кукла останется со мною навсегда.

разговоръ и очень радъ, что такъ и случилось. и скажи ей, что я всѣхъ васъ жду сейчасъ сюда!

КОРОЛЕВА [къ Куклѣ]. Подойди ко мнѣ поближе, милая дѣвочка, дай

ЗАНАВѢСЬ.

(Съ франц. по X. Aubryet).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Когда во время снѣжныхъ заносовъ весь поѣздъ занесло снѣгомъ и огонь въ локомотивѣ погасъ, то почему поѣздъ не идетъ?

II.

Можетъ-ли быть земля безъ людей и люди безъ добра?

(предложилъ Андруша Федотовъ).

III.

Названіе ноты и игры даютъ собою плотничій инструментъ.

Если въ названіи этого инструмента вмѣсто первой буквы поставить „з“, то получится благород-

ный металлъ, а если „б“, то получится топкая, непересыхающая мѣстность.

Какой это инструментъ?

IV.

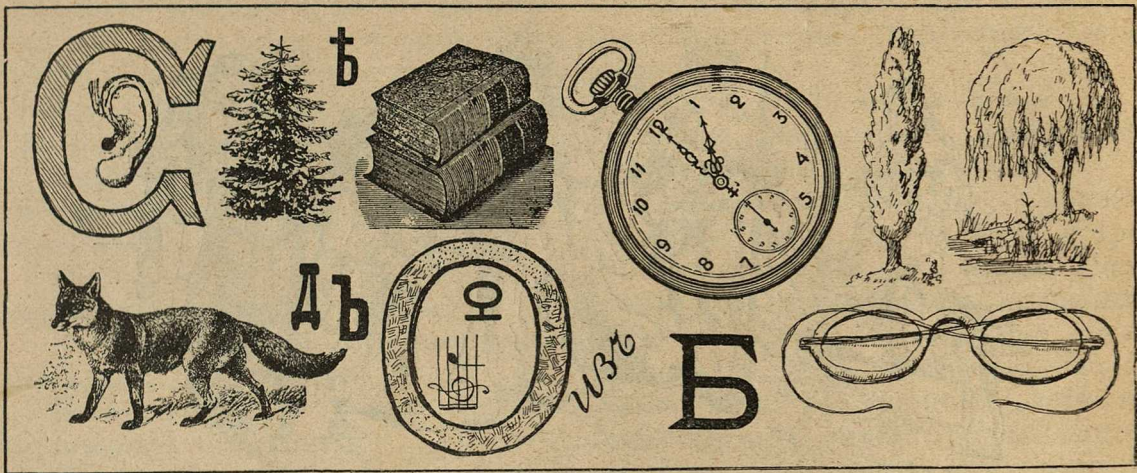
Шуточные вопросы: 1) Въ какихъ отношеніяхъ находятся струны со скрипкой? 2) Какъ сохранить мясо въ теченіи восьми и даже десяти и двѣнадцати лѣтъ? 3) Я нахожусь въ самой срединѣ Россіи, меня вы найдете также въ Австріи и Испаніи, но во Франціи и въ Германіи меня нѣтъ. Кто я? 4) Какой ледъ на рѣкѣ зимой, а въ погребѣ лѣтомъ?

(предложила Тая Волкова).

Ребусъ № 5.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

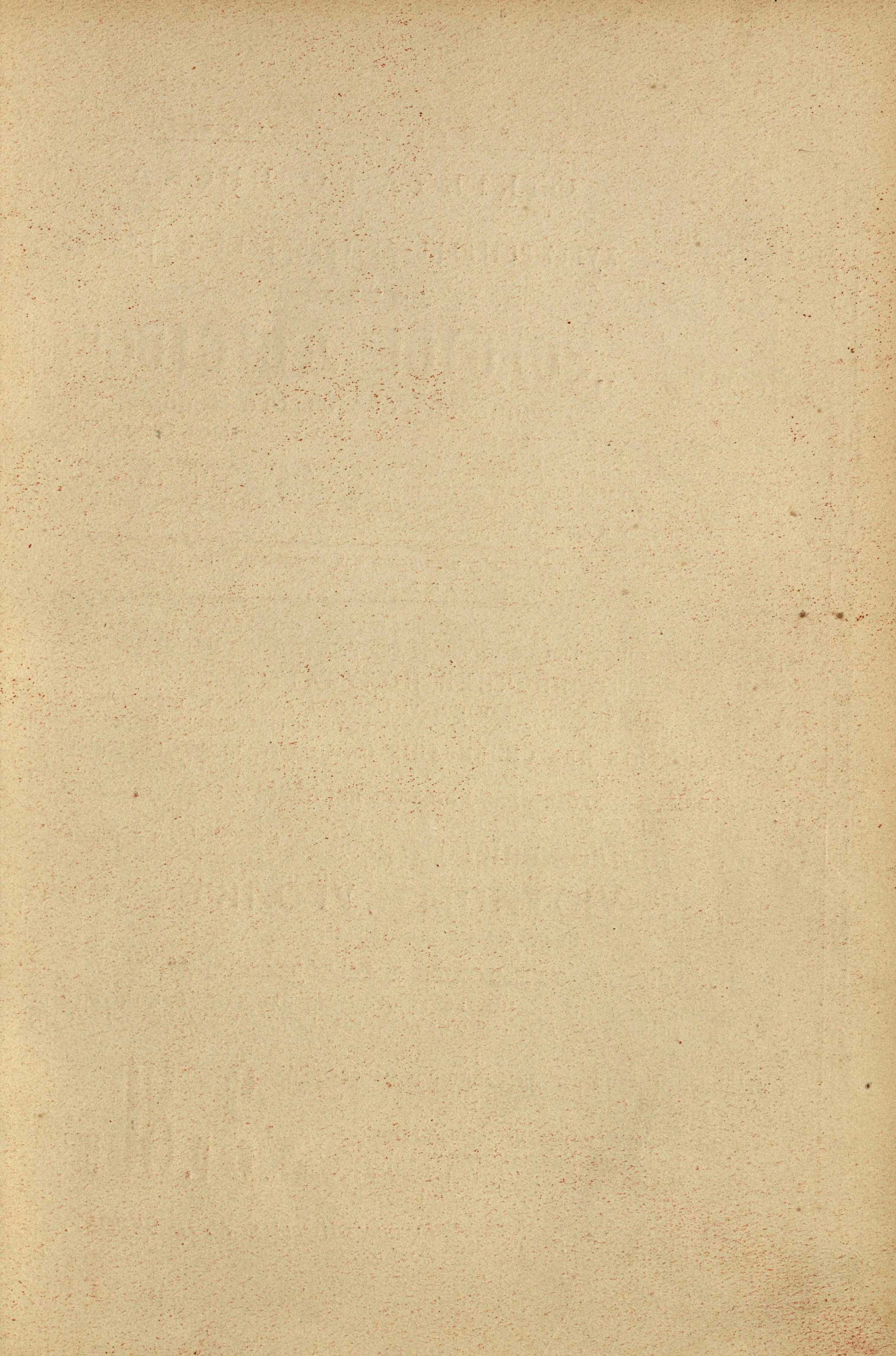
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“.

Въ нее войдетъ большая повѣсть

≡ „Маленькій матросъ“ ≡

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.